

Властелина Богатова

Я ухожу, господин Лекарь

«Литнет»

2024

Богатова В.

Я ухожу, господин Лекарь / В. Богатова — «Литнет», 2024

Ты предал меня и сделал мою жизнь невыносимой, заставляя терпеть своих любовниц. И если ты думал, что я с этим смирюсь, то сильно ошибся любимый. Я справлюсь, ради нашей дочери, моей дочери. О, как замечательно, пансионат моего отца всё ещё принадлежит мне?! Нет, я не стану его продавать, а восстановлю и открою! Не хватит средств? Акционер хочет пожертвовать взнос? Я согласна! Пойдите, но кто он?..

© Богатова В., 2024

© Литнет, 2024

Содержание

1. Ты напряжена	5
2. Он предал нас!	9
3. Я знаю, что она здесь	13
4. Кристан Гронвей	16
5. Я вас слушаю мисс...	21
6. А ведь я о вас наслышан	24
7. Я ушла от него	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

1. Ты напряжена

Полупрозрачные облака плывут в синем океане нежным хлопком. Воздушные, лёгкие, им все равно на то, что творилось у меня в душе, всё равно на раздражающие терзания, обиды и разочарования, на то, что кто-то крадет сердце, оставляя болезненную пустоту, которую ничем не заполнить.

Вот бы подняться к ним ввысь и позволить облаку унести меня туда, где живёт счастье. Меня и мою дочку...

Опускаю взгляд, ловлю в стекле своё отражение — васильковые глаза и пепельные локоны волос.

“Мой персональный знойный день”, — шептал Кристан в мои губы.

Сжимаю в пальцах мягкую шифоновую занавеску, делаю глубокий вздох и отворачиваюсь от окна.

В кабинете мужа, который сейчас пустовал, тихо. Шурша одеждами, прохожу к тяжёлому, из дуба резному столу. Нагретый на солнце лак источает сильный запах, смешиваясь с ароматом можжевельника и цитруса, яркого, сильного, будоражащего, так пах Кристан, все предметы в этом кабинете пропитаны его запахом. Кладу ладонь на камзол мужа, что висит на спинке мягкого кресла, глажу, а потом склоняюсь и жадно выбираю в себя аромат. И тут же морщусь. В груди запекла обида, заставляя меня задохнуться.

В последнее время от его одежды пахло женским цветочным парфюмом. Как же надоело! Кристан даже не утруждается избавиться от него. Смотрю исподлобья на стопку писем.

Сжимаю кулаки и обхожу стол, не отрывая взгляда от серых прямоугольных конвертов.

Письма с благодарностью от незнакомок. Кристан говорил, что их нужно сжечь, он не из тех, кто тешит себя тщеславием, он просто делает свою работу, лечит, спасает жизни, вытаскивает с того света, ведь он доктор, маг-целитель высшего ранга, состоящий во врачебельской коллегии. Знаменитый целитель Брошнайт.

Как же раздражают! Каждая тянет на себя внимание моего мужа, стараясь выделиться, попасть в поле его зрения, игнорирует наличие жены у господина доктора, будто он холост. И он позволяет это!

Ярость с такой силой опаляет, что перед глазами сыпятся искры.

Впиваюсь ногтями в конверты, готовая схватить их, порвать на мелкие-мелкие кусочки и выбросить в окно.

Я вздрагиваю, слыша топот туфелек о паркет, прихожу в себя, смахиваю слезы.

Элла знает, где меня искать, малышка вбегает в открытую дверь кабинета. И с визгом бросается ко мне, прячась за юбку, звонко смеясь, развевая собравшиеся надо мной серые тучи. Элла — мое солнышко.

Следом за Эллой, пытаясь, появляется Дарси, няня дочки.

— Уф, простите, госпожа, — кладёт на пышную вздымающуюся грудь руку женщина. — Миссис Леджин Громвей, вы случайно не видели мисс Эллу?

— Тсс, — прижимает пальчик к губам дочурка.

— Нет, Дарси, не видела, — отвечаю, пряча от Эллы улыбку, наигранно развожу руками, бросая взгляд вниз, ловя сияющее лицо Эллы. И сердце замирает, как она похожа на Кристана, та же ямочка под губами, глубокого синего цвета глаза, и эта улыбка... Сердце больно сжимается. Как он может предпочесть вместо нас какую-то другую...

— Вот беда, где же Элла, где мне ее искать? — сокрушается Дарси. — Пойду искать, может, она выбежала на улицу, но, кажется, там собирается дождь!

Дарси отступает, делая вид, что уходит, разворачивается, и в этот момент Элла выскакивает из-за меня и громко взвизгивает, пугая женщину. Дарси вздрагивает от испуга на месте

и хватается за грудь, в предобморочном состоянии прислоняется спиной к косяку двери. Элла заливается смехом.

Наклоняюсь и поднимаю малышку на руки. Дочка обнимает мою шею маленькими тоненькими ручками, прижимается ко мне и целует в щеку нежными губками. Жмурюсь от удовольствия.

— Мое солнышко, — ей скоро будет три годика, уму непостижимо, как быстро идёт время, ещё, казалось бы, совсем недавно я качала ее на руках, а сегодня за ней не угонится няня.

Ещё недавно Кристан говорил мне такие слова, от которых кружилась голова, а сегодня я просыпаюсь без его объятий и нежных поцелуев.

— Мамочка, папа сегодня будет ужинать с нами? — вдруг задает дочка вопрос.

Мои губы дрогнули, и Элла, кажется, уловила тревожное состояние. Гладит ладошкой по щеке. Я стараюсь улыбаться.

Боги, Леджин, возьми себя в руки!

— Конечно, милая, — обещаю я. — Я надеюсь на это.

Даже не думала, что я нахожусь в таком отчаянии, такое чувство, что сейчас что-то треснет внутри меня, та хрупкая опора, ставшая как стекло, хрустальная мечта — иметь крепкую семью — грозит разбиться вдребезги.

Несколько минут я держу дочь, пока она не соскакивает вниз с рук, уносясь дальше по коридору от Дарси, играя в догонялки.

Я смотрю на стопку писем.

— Миссис Гронвей, — раздается голос мужчины.

Высокий худощавый дворецкий шагает внутрь кабинета.

— Да, Франк, — натягиваю на губы улыбку.

— Вам весточка от господина, — протягивает он ненавистного серого цвета конверт.

Я продолжаю улыбаться, но, кажется, выходит нервно.

— Спасибо, — забираю его.

Слуга поклонился и вышел из кабинета. На миг прикрываю веки и решительно рву бумагу, достаю записку, с шуршанием разворачиваю мягкий пергамент.

“Леджин, вернись поздно, ложись раньше, не жди. Прими витамины, обними за меня Эллу. Кристан”

Бумага в моих пальцах подрагивает. Поджимают губы и сминаю лист в комок, он падает камнем на пол, как и моё сердце на самое дно колодца. Смотрю в окно на плывущие беспечные облака, хрусталь надежды всё-таки трескается.

Развязав ленты на своём шёлковом лавандового цвета пеньюаре, я беру со столика стеклянную баночку с витаминами и замираю. Сжимаю холодное стекло с разноцветными леденцами. Зачем эти дурацкие таблетки? Так ли Кристан заботится о моём состоянии или делает вид?

Хочу выбросить их в урну, растоптать и смыть всё то, что связано с ним. Переворачиваю баночку и ставлю обратно на бюро. Отворачиваюсь, иду к кровати.

Элла сегодня уснула раньше, я даже не успела прочесть до конца первый абзац сказки. Набегалась сегодня, так и не дождавшись папу...

Снимаю верхний халат и ложусь под одеяло, поворачиваясь на бок. Кладу руку туда, где должен лежать Кристан.

Где же ты, Крис?

Обнимаю себя и прикрываю веки, пытаюсь сдержать рвущиеся наружу рыдания, ком подступает к горлу. Нет, нельзя плакать. Но как же сложно, эта проклятая любовь измотала всю меня. Не сплю и смотрю на часы: уже почти полночь, а его нет. Обида душит, я его так люблю,

что одна мысль о том, что он предпочитает вместо меня другую, убивает. В груди саднит, и дышать становится трудно.

Наконец я слышу шаги и совсем перестаю дышать. Крис заходит бесшумно, шуршит одеждой. Я чувствую его ауру и силу, воздух будто приходит в движение, когда он заходит в супружескую спальню. Чувствую его взгляд на себе, он будто луч солнца скользит по моему телу. Кристан направляется в ванную комнату, плотно прикрывая за собой дверь. Думает, что я сплю.

Я почти пропустила момент, когда он вышел, только когда взял баночку с витаминами и поставил в правильное положение. Сердце взволнованно бьется, когда матрас рядом со мной проминается под тяжестью мужа. От него пахнет морской свежестью. И цитрусом.

Давай, Леджин, скажи ему, что хотела сказать после того, как получила эту дурацкую записку. Прикрываю веки, когда твердые губы мужа касаются моего оголенного плеча, горячее дыхание скользит по коже шелком. Непроизвольно отстраняюсь, покрываясь мурашками.

— Ты не спишь? — удивляется он.

Закрываю глаза, когда его тяжёлая рука обнимает меня, прижимая к своему горячему твердому телу.

— Ждала тебя. Ты сказал, что опоздаешь только на ужин.

— Извини, был сложный пациент... — тяжело выдыхает, лаская мой слух глубоким красным голосом.

Сдерживаю слёзы, сжимая в пальцах край подушки. Сколько он будет продолжать врать? И кто на этот раз... рыжая или брюнетка? Сколько ещё он будет прикрываться своими пациентами?

— Как долго это будет продолжаться? — спрашиваю я, когда пальцы Кристана скользнули по моему плечу, опуская лямку ниже, дразня, усыпляя меня своими ласками.

— Ещё немного, я думаю, месяц пока... Возникли кое-какие задачи, их нужно решить... Я потом тебе расскажу... сейчас уже ночь.

Поворачиваю голову, заглядывая в его глаза. Эти синие глубины настолько темные в свете огня, что пугают и заставляют трепетать одновременно, блеск в них дрожит словно звезды. Глаза, которые я так безнадежно и бесконечно люблю, когда-то я в них купалась, изнеженная и любимая, сейчас они превращают моё сердце в пепел.

— Кристан, ты в самом деле думаешь, что это приемлемо, пропускать ужин, возвращаться ночью? Элла ждала тебя, — последние слова я говорю сдавленно, голос не слышится.

— Нет, я так не думаю, — прекращает свои ласки, — но это необходимо. Обещаю, скоро я всё улажу, потерпи, Леджин.

Боги, я терплю это уже год! Терплю его жестокую ложь, и даже сейчас он делает вид, будто я ни о чем не догадываюсь.

— Это уже слишком, Крис.

Он молчит, смотрит куда-то в сторону, а потом вдруг интересуется:

— Почему не принимаешь витамины, Леджин? — темные брови мужчины немного хмурятся.

— Что? — поворачиваюсь к нему и ушам своим не верю.

— Ты напряжена.

Смотрю на него и понимаю, что он закрыт от меня совершенно. Горько сжимаю губы.

— Тебе сегодня ещё несколько писем пришло, — говорю я бесцветным голосом, чувствуя, что это предел. Это конец. Конец нашим отношениям. Он не слышит меня совсем. Как же ты отдалился, любимый. Как же так вышло? — Зачем они тебе пишут?

— Завтра уберу их, — склоняется к моим губам. — Я скучал по тебе целый день, Леджин, — горячее дыхание согревает мои губы, замороженно смотрю на них. А следом Кристан целует,

жадно, пылко, напряженно, прерывисто выдыхает, и я чувствую, как в бедро упирается его налитое твердым огнём желание. В животе разливается горячая лава.

И скольких он так пленил? Задыхаюсь и нахожу в себе силы отстраниться.

— Уже поздно, — говорю я спокойно.

Кристан смотрит спокойно, исследуя моё лицо.

— Как ты себя чувствуешь?

— Хочу спать, — натягиваю край одеяла на свою каким-то образом обнажившуюся грудь.

— Постарайся не разбудить меня утром, ладно? — отворачиваюсь, закрываю глаза и тону в тоске от принятого решения.

2. Он предал нас!

Моё утро как холодная манная каша.

Вещи я собирала неторопливо. Взяла только те, которые приобрела до свадьбы, сшитые на заказ наряды оставила — ни к чему они мне теперь, да и не хочу, чтобы напоминали о семейной жизни.

Крис ушёл, ещё солнце не взошло. Он не разбудил — выполнил обещание, но я не спала почти всю ночь, планировала, как совершить то, что я задумала, и сделать этот шаг.

Поэтому утром я обнаружила совсем невыспавшееся лицо и тёмные круги под глазами. Я совсем довела себя. Так нельзя.

Умывшись ледяной водой, с таким же холодом начала собираться. Сложнее всего оказалось не с вещами, а с Эллой. Ей пришлось сказать, что мы едем отдыхать к её любимой Ионес. Надеюсь, мама нас пустит на время. А дальше я решу, как быть, главное — это уехать.

Слуги наблюдали за мной с большим подозрением, особенно Франк, кажется, он не поверил, что господин лекарь знает о моём отъезде, и наверняка уже послал весточку. Я только горько усмехнулась. Не думаю, что Крис кинется её читать. Он ведь так занят.

Выдыхаю.

Смотрю на погруженные в карету вещи, малышка уже забралась на сиденье и прыгала от нетерпения отправиться в путешествие.

Окидываю взглядом Бран-Холл, и сердце обливается кровью. Этот неприступный замок-усадьба стал моим домом, и было жаль его покидать. А ещё жаль, что я доверилась его хозяину. И вдвойне больно покидать родные стены, если до сего момента я как-то держалась, то сейчас могу разрыдаться. Поджимаю дрогнувшие губы и шурю глаза, словно от слепящего повесенному солнца. Но глаза все же защищало.

Приподнимаю подол своего дорожного платья и встаю ногой на ступеньку кареты.

— Миссис Гронвей! Миссис Гронвей! — слышу позади голос Дарси, оборачиваюсь.

Дарси выбежала на дорогу, прижимая к себе пузатую вязаную сумочку, которую повесила на локте, другой рукой придерживала шляпу, чтобы не слетела с головы от ветерка. Сердце защемило при виде неё.

— Миссис Гронвей, простите, позвольте мне ехать с вами, — умоляюще произносит она.

Я оборачиваюсь и смотрю на дочку, которая уже разложила на коленях книгу и болтала ножками, рассматривая картинки, но, увидев Дарси, сразу подвинулась, по привычке уступая ей место.

— Дарси, я не уверена, что... — сглатываю образовавшуюся во рту сухость. “Что мы вернёмся”... А точнее, я уверена в обратном.

— Я все понимаю и принимаю любой ваш выбор, но я так привыкла к малышке... Я буду брать половину жалования, но прошу остаться с вами!

Значит, Дарси догадалась и, видимо, понимала изначально, какие натянутые, на грани разрыва, у нас с Кристаном отношения.

— Хорошо, — сдавленно шепчу я. — Элла не должна...

— Я понимаю, — прижала к груди руку женщина.

Вместе мы погрузились в карету, и возница тронул лошадей. Я закрыла окно шторкой, будто от солнца, но на самом деле закрыла вид на замок и любимые, растущие вокруг зеленые клёны и конусные пихты.

Дарси заняла ребёнка разговором, читая книгу, а я погрузилась в мысли. Кристан наверняка сегодня вернется поздно. И не обнаружит нас. Как он отреагирует? Расстроится хотя бы немного?.. Впрочем, неважно.

Дорога оказалась на этот раз бесконечно долгой, ещё бы — родители жили на другом конце Брошнайт — в сердце столицы. За окном проплывали улицы, зеленые лужайки, зажиточные усадьбы всяких мастей. И родовые, и фермерского хозяйства, дачные, ближе к городу — дома горожан.

Приоткрываю окошко, запуская немного свежего, напоенного молодой листвой воздуха. Я вспоминала фрагменты своей жизни.

Мой отец был помещиком и имел во владениях несколько усадеб. Он покинул нас с мамой четыре года назад. Беспокойное время. Я училась при высшем дворе, где и познакомилась впервые с Кристаном на одном из званых ужинов. А после мне пришлось покинуть Брошнайт и вернуться домой, чтобы поддержать маму. Кристан стал навещать нас и оказывал мне всяческое внимание и интерес, а через год после траура предложил выйти за него.

И я согласилась, потому что полюбила с первого взгляда. Свадьба была сдержанной, но и далеко не скромной, Крис имел большое влияние при дворе, и подобное событие не могло пройти без должного шума.

Мне тогда казалось, что я самая счастливая. Я сразу забеременела. И Крис очень обрадовался, он так желал ребенка. Нянчился с Эллой целыми днями. А потом что-то сломалось в наших отношениях. Пыталась вспомнить, когда это всё началось. Вот уже год он пропадает в своём врачебательском склепе.

Только это всё отговорки!

Смех Эллы прерывает мрачные размышления, она закрывает ротик ладошками, а глаза искрятся разноцветным калейдоскопом, зажигая в моём сердце радость.

Как бы ни сложилась моя жизнь, я не жалею ни о чём, ведь появилась Элла.

— Приехали, миссис, — негромко объявила Дарси, выдёргивая из мыслей.

Отодвигаю полупрозрачную штору и выглядываю в окно. Родной Оланстон расцветал и сиял, впрочем, как и всегда, в любое время года. Мама не переставала держать усадьбу ухоженной.

Выхожу из кареты и досадливо прикусываю губу. По дороге я даже не придумала, что ей сказать, как объяснить.

Сжимая ладошку Эллы, делаю вдох-выдох и вхожу в солнечный в персиково-бежевых тонах холл.

— Леджин? — радостно встречает мама — наверняка увидела меня, когда мы въезжали в ворота. Её лицо сияет, глаза лучатся молодой зеленью. Да, мама у меня красавица, особенно в этом приглушённо-изумрудном вельветовом платье, с высокой причёской, пепельно-жемчужные волосы мне достались от неё.

— Доброе утро, мама, а мы тут к тебе в гости, — улыбаюсь я.

— Доброе утло! — воскликнула Элла и ринулась к бабушке.

Малышка крепко обнимает Ионес. Мама жмурится от удовольствия, поглаживая по спине Эллу, и смотрит на меня с беспокойством, когда слуга вносит в дом несколько чемоданов.

— Элла, как я по тебе соскучилась, — гладит по светлым завиткам волос Эллы мама...

Она молчала, пока мы не расположились в плетеных креслах за садовым столиком уютной беседки под куполом белой крыши и белоснежным тюлем. Я безмятежно наблюдаю, как Элла играет в мячик с Дарси на лужайке, покрытой молодой травкой. И чувствую напряжение Ионес, её переживание повисает в воздухе.

Беру фарфоровую чашку с каймой розового золота — мамин любимый сервиз. Сразу становится тепло, и вспоминаются беззаботные дни моего детства.

— Я ушла от него, — всё-таки произношу, выталкивая слова из горла.

Ионес кладет руку на грудь и не двигается. Я делаю глоток, вкус жасмина, сладко-терпкий, обволакивает нёбо.

— Что случилось? Почему, Леджин? — её голос звучит так, будто это самая печальная новость, которая могла быть в её жизни. Ещё бы! Она так радовалась нашему союзу, благословив нас...

Моя рука всё-таки дрогнула, и я аккуратно поставила хрупкую чашку на блюдце, боясь разбить. Глаза защипало. Ну вот, я столько держалась и теперь не в силах контролировать эмоции. Поднимаю на маму затуманенный влагой взгляд.

— Я больше так не могу... — хрипло произношу и отворачиваю лицо, чтобы Элла не заметила моих слёз. — Он предал нас, мама. Променил меня на свою работу, он спасает людей, а нас бросил! Я знаю, может, плохо так говорить, но я не могу, не хватает сил терпеть это всё! Он приходит поздно, уходит ни свет ни заря, пропускает ужины, он вообще не живёт с нами, мама!

— И постель не делит? — осторожно интересуется Ионес, накрывая мою руку своей. — Ночевать тоже не приходит?

Взгляд заволакивает слёзы.

— Приходит, когда я уже сплю, — губы кривятся в горькой усмешке. — Ему не нужна семья, не нужна я, я не знаю, зачем он забрал меня, чтобы вот так мучить?! — новый приступ слёз душит на время, а с губ срываются беззвучные рыдания.

— Леджин, — подается вперёд мама и гладит моё плечо, не зная, как успокоить, она просто молчит, присутствуя рядом, разделяя мою боль. И вскоре мне действительно становится легче.

— Ты говорила ему? — спрашивает мама, когда я немного успокаиваюсь.

— Много раз. Но он будто не слышит. Отвечает одно и то же, говорит — потерпи, скоро всё уляжется. Я уже год терплю и больше не хочу, сил нет. Мне кажется, мама, это не закончится никогда, мне кажется, что жизнь проходит мимо. А я так не хочу. Всё время быть в ожидании чего-то, всё время чувствовать, что я пустое место. Это выматывает, — шепчу я мокрыми от слёз губами.

— Леджин...

— Знаешь, сколько писем он получает от незнакомок? Сотни! Это чьи-то жёны, дочери, непонятно кто! Он обещал их выкинуть, но не делает этого. Зачем они ему пишут? Он там развлекается, а меня держит дома, как домашнего питомца. Я видела, как они с ним разговаривают, улыбаются, кокетничают, строят глазки, делают вид, что меня нет рядом. Я никто для них. И для него.

— Я думала, что Кристан не такой...

— Я тоже так думала, — бессильно выдыхаю.

Молчание окутывает мягкой шалью, льются отовсюду птичьи трели, но внутри моего сердца иголки и мороз.

— Оставайся, Леджин, столько, сколько нужно, это твой дом.

— Спасибо, — улыбаюсь маме, а она протягивает руку и гладит меня по щеке.

— Побереги глазки, — говорит как в детстве.

Через слёзы улыбаюсь, беру салфетку и промокаю щёки.

Мы сидели в беседке в долгом молчании.

Мама понимала, что со мной происходит, и не пыталась переубедить или научить, она просто позволяла прожить накопленные и душащие чувства. И я не заметила, как начала улыбаться, наблюдая за Эллой и Дарси.

— Что это я правда, совсем раскисла, — выдыхаю, откладывая салфетку, — пойду вещи разложу, — поднимаюсь с кресла, оставляя так и недопитый чай. До обеда надо разобраться и привыкнуть к дому, хотя для этого много времени не понадобится.

— Дам распоряжение слугам готовить на три персоны, — засуетилась мама вместе со мной.

Теперь у нас много времени, чтобы наговориться, а сейчас нужно заняться делом.

— Леджин, — зовёт вдруг мама, когда я спускаюсь с порога на вымощенную плиткой дорожку. Она спускается ко мне. — Он ведь придет сюда. Он ведь так тебя просто не оставит. Будет настаивать вернуться. Будет порог обивать.

— Пусть, я не для того уходила, чтобы возвратиться.

Ионес смотрит на меня, будто сомневается в том, что это так просто. Да, не просто, но я выстою.

...Моя комната в светло-лиловых тонах показалась не такой большой, как раньше, ещё бы, после покоев Бран-Холла всё здесь казалось кукольным. Но мне и Элле много места не нужно. Велела слугам перенести кровать для дочки в мою спальню. Пусть спит со мной, ей тоже нужно привыкнуть.

Ещё мне нужно занять себя чем-то на первое время, особенно глубокими вечерами, чтобы не думать о лишнем. Вспомнила, что у отца в кабинете имеется небольшая семейная библиотека. Время до обеда ещё оставалось, и я прямиком отправилась в мужскую часть усадьбы. И хотя у мамы в гостях мы были часто, сюда я не заглядывала со времен, как училась при дворе.

Горьковатый запах кожаного кресла и табакерки из сандалового дерева, что стояла по-прежнему на столе, навеяли добрые воспоминания. Я будто погрузилась в прошлое, увидела отца — он часами расслабленно сидел в этом кресле за чтением свежей прессы и изредка стряхивал пепел в тяжелую стеклянную пиалу, которая ютилась сейчас одиноко на краю.

Раймон Таккер регулярно следил за городскими новостями и сводками.

Тихо улыбнувшись, отрываю взгляд от кресла и поворачиваюсь к огромному, из орехового дерева шкафу со стеклянными дверцами. Петли радостно скрипят, когда открываю их. Скольжу взглядом по корешкам книг. Впрочем, перебрать их приходится с десятков, чтобы подобрать что-то интересное. И нахожу. Книга ведомств! Сдуваю с неё пыль и чихаю.

Закрываю шкаф и направляюсь к креслу. Сажусь в него удобно, прислоняюсь к холодной спинке. Кладу перед собой книгу, но не открываю, вспомнив мамины опасения: “Он ведь придет сюда”.

Если Кристан придёт сюда, то я не выйду.

Нет, это не выход, тем самым я переложу весь удар и ответственность на Ионес. Нужно подготовиться к встрече. Знаю, как это тяжело, но я смогу.

Раскрываю книгу.

— Да с чего мама взяла, что он станет возвращать нас, если относился ко мне как к предмету? — барабаню пальцами по твёрдому форзацу книги.

Подам на развод. Только дам себе пару дней, чтобы прийти немного в себя, а потом... Поставлю точку.

Обрываю тяжёлую мысль и уверенно перелистываю страницы. Вначале ничего не понимаю, какие-то таблицы, списки, отчеты, чертежи...

Так это же дело отца!

Я ведь раньше интересовалась делами его пансионата, а потом учеба и жизнь в столице увлекли. А потом уход папы, семейная жизнь... И я совсем позабыла о наследстве, которое оставил мистер Таккер.

— Миссис, простите.

Поднимаю голову: так увлеклась, что не заметила, как вошла служанка.

— Обед готов.

3. Я знаю, что она здесь

Как чудесно обедать дома, как раньше, это греет сердце, не давая ему замерзнуть, не давая опуститься под лёд.

Всё-таки как хорошо дома, где тебе всегда рады и ждут, где тебя никогда не бросят и не отвернутся. Жаль, что папы больше нет...

— Мама, а скажи, пожалуйста, как обстоят дела с пансионом отца? — вожу ложкой в супе, есть совсем не хочется.

— Я как раз собиралась с тобой поговорить об этом, Леджин. С ним нужно решать, что делать, он ведь после ухода Раймона закрылся, все слуги разбрелись, уже три года стоит беспризорный, только долг накапливается. Было несколько предложений его продать....

— Нет, мы его не будем продавать! — заявляю я смело.

Ионес растерянно смотрит на меня.

— Завтра я съезжу туда и посмотрю, в каком он состоянии. Я хочу продолжить дело отца. Я восстановлю его, мама, — даже от себя не ожидала подобного заявления, но, сказав это, сразу почувствовала прилив сил и уверенности.

— Но, Леджин, это не совсем женское дело, и...

— Кто это сказал? Пансион в скором времени будет открыт.

— На это нужны большие средства, затраты, где мы их возьмём? — продолжает сомневаться Ионес.

Беру салфетку, задумчиво вытираю пальцы.

— Уверена, найдется выход.

Нужно только подумать. Посмотреть, какие накопления есть в банке. Наверняка у папы остались сбережения. Может, имеется поддержка, у отца ведь были связи.

— Я тебя поддержу, Леджин, в любом случае, — улыбнулась мама.

А я уже прокручивала в голове всевозможные варианты и задачи, которые нужно сделать в самое ближайшее время. Эта идея меня настолько захватила и вдохновила, что до конца дня я только об этом и думала. И даже набросала план действий!

Только уже к ужину мысль о том, что наши отношения с Кристаном больше не будут прежними, вывернула душу наизнанку. Я держалась, как дерево, цепляющееся корнями над пропастью. И которое вот-вот сорвется, стоит налететь ветру. И этот ветер не спешил нападать.

В воздухе странно тихо. Может, мама зря опасалась, что Кристан может явиться сюда? Время подходило к ужину, и ни слова от него, ни этих дурацких коротких записок. Ничего.

Он не беспокоится, не спешит. Конечно, ведь для него важнее его пациенты! Как же горько от всего этого, как от противных лекарств.

Взяв в очередной раз себя в руки, отправляюсь в кабинет отца, где оставила ведомость. Хватаюсь за холодную ручку двери, и тут бьёт в грудь сильный мужской голос. Сердце падает куда-то к пояснице и начинает биться во всём теле.

— Миссис Таккер, простите, но мне нужно поговорить с Леджин. Я знаю, что она здесь.

От сильных перепадов голоса Кристана меня всю бросает в дрожь. Оказывается, это было затишье перед бурей.

— Господин Гронвей, моя дочь не желает говорить с вами, ничем не могу вам помочь. Леджин была с вами три года, у вас было много возможностей это сделать, а сейчас, прошу, не настаивайте.

Пальцы начинают дрожать, тело пронимает предательская слабость. Я думала, что смогу выстоять, но это оказалось сложнее.

— Хорошо. Вы правы, — соглашается муж. — Видимо, я не сказал что-то важное.

Набираю в грудь воздуха. Смелее, Леджин, ты уже не на его территории.

Выхожу в холл, больше не прячась.

Мама смотрит на меня, Кристан напрягается. По сравнению с мужчиной, Ионес хрупкий цветок, это так, мой муж всегда был внушительным, и сейчас я это увидела со стороны: широкий разворот плеч, мощная грудная клетка, сужающаяся к бедрам, длинные ноги.

Смотреть на него было невыносимо, он столько раз делал вид, что не замечает меня, колени подгибаются, я чувствую себя раздавленной, столько унижений перенесла, когда все эти вертихвостки откровенно флиртовали с господином лекарем.

А ему всё это нравилось. Он молчал, позволял, значит, нравилось.

Прохожу к нему, и пусть внутри я уязвима, внешне невозмутима, уверена и спокойна.

— Всё в порядке, мама, — говорю маме.

— Хорошо, я буду рядом, Леджин, — Ионес уходит.

Провожая её взглядом и поворачиваюсь к Кристану. Его лицо напряженное и в то же время спокойное, но дымчато-синие глаза пылают возмущением.

— Что это значит, Леджин? — стоит ему заговорить, как в синих глазах начинает бушевать шторм, и вспыхивают молнии, разя беспощадно, но я не сдамся. Любимый. Кристан дышит часто и прерывисто, крылья носа вздрагивают, он никогда не злился, всегда такой спокойный, неприступный, как скала, и тут едва сдерживает пыл. Молнии во взгляде становятся всё опаснее. — Почему ты уезжаешь молча, зачем тебе столько вещей, ты разве надолго?

— Навсегда, — отвечаю я без тени колебания.

Молчание. Глаза в глаза. Он прищуривает веки, а в радужках клубятся черные грозовые тучи, и, кажется, стены безмолвно сотрясаются.

— Я не понимаю, Леджин. Объясни.

Ёжусь от силы его голоса. Смотрю в сторону лестницы. Не хватало, чтобы Элла услышала нашу ссору. Разворачиваюсь и выхожу в холл молча. Кристан догоняет и останавливает меня перед зеркалом.

Я резко разворачиваюсь и цепляюсь за край трюмо.

— Леджин, ты долго будешь молчать? — сокрушает его голос.

— Не шуми, — прикрываю веки, чувствуя, как разливается дрожь по всему телу, — напугаешь Эллу.

Кристан сглатывает, наблюдаю, как комом прокатывает по горлу кадык на мощной шее.

— Я ушла, Кристан. Ушла совсем. От тебя.

— Ты объяснишь что-то или нет?

— А может, ты скажешь, где пропадаешь целыми днями, почему не приходишь к ужину, а только поздней ночью? Почему ты до сих пор не избавился от этих глупых записок от своих воздыхательниц? Почему позволяешь им заигрывать с тобой? Строишь на них как голодный кот! Почему от тебя несёт женскими духами?!

Дышу часто и порывисто, всё-таки вышла из себя.

— Я не смотрю... — он прикрывает веки и сжимает пальцами переносицу. — Проклятье, Леджин, только в этом дело?

Мне хочется взорваться, то есть для него это всё мелочи?! Неважная помеха?!

— Я не дура, Кристан. Если ты думаешь, что я стану это терпеть и ждать тебя в домашних тапочках, сдувать с тебя пылинки и заглядывать в рот, то ты ошибаешься.

— Я правда хотел их сжечь, я же говорил. Просто не было времени, слишком много дел в последнее время...

Усмехаюсь его жалким оправданиям.

— Ты себя слышишь?

— Леджин, не перегибай. Почему ты заставляешь меня оправдываться как мальчишку? Я отменил несколько приёмов, чтобы приехать за тобой. Я думал, ты понимаешь всю серьезность моего статуса.

— Статуса по спасению прекрасных девиц? — бросаю я с отчаянием.

Глаза мужа яростно вспыхивают, и я невольно сжимаюсь, но не потому что боюсь, а потому что позволила дурить себя столько времени, глотая его отговорки вместе с его витаминами.

— Перестань, Леджи, ты себя накручиваешь, о каких девицах ты говоришь? У меня нет никаких девиц. Кроме тебя.

— Извини, Кристан, я слишком долго тебе верила, тебе больше важен твой статус, я не против, правда, но всему есть предел, — мой голос переходит на шепот, а к горлу подступает ком.

Он кладет руки на пояс и смотрит в сторону, думает над чем-то. Сосредоточенно и серьезно. Конечно, он ведь лекарь и не может допустить ошибки. Но одну допустил, непоправимую, и назад уже ничего не вернуть. Моё сердце сжимается от боли, осознание, что всё кончено, накрывает меня с головой. Я люблю его, очень люблю, но так невыносимо, так больше нельзя, каждый раз понимать, что он выбирает не меня, а этих потаскух. Он даже не пытается успокоить, сказать, что выкинет эти чертовы письма, сказать, что всё поменяется и он закроет рот этим курицам. Нет, ничего этого не последовало.

— Я подаю на развод.

Кристан обращает на меня потрясенный взгляд.

— Ты серьёзно?

— Серьёзнее некуда.

Снова молчание, тягостное, оно повисает в холле и давит на плечи, заставляя опуститься на пол. Но я держусь. За край столешницы.

— Я на днях заеду за некоторыми вещами, а сейчас... мне нужно идти. Мы будем ужинать.

Разворачиваюсь, чтобы уйти, но Крис ловит моё запястье, горячие пальцы вплавляются в кожу, разгоняя по телу дурман.

— Обними Эллу за меня, — слова гирей ложатся на сердце, а мне так хочется сплести наши пальцы, коснуться этого подбородка и губ, но я держусь. — И... — выдыхает он и лезет во внутренний карман камзола, достает что-то. — Не забывай про витамины. Они тебе сейчас необходимы.

Ставит на стол ненавистную баночку с разноцветными леденцами. Я высвобождаю руку, которую Кристан больше не пытается задержать.

Спокоен и холоден, как океан. Как и всегда.

Разворачиваюсь и ухожу, оставляя его в холле. Выхожу в гостиную и на бессильных ногах подхожу к окну. Гронвей появляется на дороге и широким шагом, немного резким, направляется к вознице. Он не оборачивается, по плечам развеваются смоляные волосы, которые я так любила пронизывать пальцами.

Кристан оборачивается лишь только тогда, когда погружается в повозку. Скрывается за кронами деревьев. Торопливо стираю соленые капли на щеках.

— Прощай, милый.

4. Кристан Гронвей

Утро выдалось хоть и солнечным, но внутри у меня серые тучи и промозгло. Вчера, как только Элла уснула, не смогла сдержать поток слёз. Рыдала в подушку, чтобы не разбудить дочку.

А наутро получила припухшие глаза и тяжёлую голову. Даже взяла те витамины, что Кристан вернул. Снова нахлынули злость и бессилие, как так случилось, что я стала так зависеть от него? А он этим воспользовался. Кристан даже не пытался возразить или оправдаться. Он спокойно принял моё заявление о разводе, и это невыносимо больно осознавать. Я не нужна ему. И его равнодушие добило меня окончательно.

И даже когда сказала, что знаю о его любовницах, сделал вид, что ничего не понимает. И врёт! Врёт прямо в лицо, говоря, что никого нет. Где же он пропадает столько времени? С кем?! С той, которая кажется ему привлекательнее, опытнее? Раскрепощеннее? Красивее?

Просто он меня не любит. Не любит!

Горячие слёзы обожгли щёки, заставляя сердце гореть в агонии.

Лихорадочно высыпав на ладонь несколько леденцов, отправила в рот. Выкинуть витамины не поднялась рука, будто это что-то могло изменить. Будто они правда могли мне чем-то помочь... Заглушить эту боль, повернуть время вспять.

Нет, не помогут и ничего не изменят, после вчерашнего разговора с ним я окончательно приняла решение. Я ухожу.

Дышу, прижимая ладонь к груди, там, где так ноет. Лучше вырвать его с корнем из сердца, чем превратиться в безликую его тень. Переболеть, как-то пережить. Забыть. Ведь время лечит.

Я смогу, нужно просто встать на ноги и идти, не останавливаясь, не оборачиваться. Учиться обходиться без него. Жить без него.

Папа всегда говорил, что я сильная. Пора это вспомнить. Он верил в меня, значит, и я смогу поверить в себя. Наш брак блеф, никто из окружения не верил до конца, что Кристан выбрал меня, что он полюбил меня и пожелал сделать своей. Думала, что это ревность и зависть, думала, что кто-то хочет оказаться на моём месте, поэтому распускает злые слухи, говорит, что я не подхожу для него. Он лекарь, а я дочь помещика. Ему нужна другая, более яркая, страстная, сильная и одаренная.

Они правы, а я искренне верила в его чувства. Верила! И теперь все будут наблюдать, как мы расходимся. Не долго ждали. А после нашего разрыва, уверена, претенденток на мою роль окажется уйма.

Только я не понимаю, зачем он держал меня, зачем? Для чего это всё? Для своего статуса? Ну конечно, ведь он так дорожит им! Ему просто не хочется скандалов, чтобы его репутацию запятнал наш развод.

Дышу часто, но воздуха не хватает. Не хватает его, не хватает тепла. Бесполезно биться об лёд. Я тону, и выплыть не получается. Не получается...

— Леджин, как ты себя чувствуешь? Ты побледнела совсем, — взволнованный голос мамы раздается откуда-то со стороны, и все звуки разом возвращаются. Ионес накрывает своей нежной ладонью мои холодные пальцы.

Смотрю на неё и будто не вижу, отставляю остывшую чашку с чаем. Нужно взять себя в руки, не хочу пугать Ионес своим видом.

Бросаю взгляд на каминные часы.

— Поеду съезжу в пансион, как раз полдень, и дороги чистые, — поднимаюсь я. Но голова как-то резко закружилась, а к горлу подступил комок, и сделалось нехорошо в желудке.

Я покачнулась и толкнула столик, кружка соскочила с края и с глухим стуком упала на ковер, разлив остатки чая.

— Леджин! — вскочила мама. — Что с тобой, милая?

В висках запульсировало, и меня бросило в озноб. Делаю вдох, потом ещё, цежу глотками воздух. Кажется, голова начала проясняться.

— Извини, мама, испачкала тебе ковёр.

— Леджин, может, отложишь поездку? — она пропускает мимо мои слова. — Тебе отдохнуть нужно, а пансион никуда не денется.

Может, мама и права, но находиться наедине со своими мыслями и чувствами невыносимо. Это всего лишь небольшой стресс. Если бы мама знала, что творится у меня в душе! Но не хочу, чтобы она тревожилась.

— Нет, я поеду сейчас. Всё в порядке, правда, просто мне нужно немного развеяться.

Нужен воздух, много воздуха и тепла. Особенно его.

— Тогда я поеду с тобой. Ты не против?

Конечно, я не против, и даже рада. В гостиную входит служанка и подает конверт, только что приходил посыльный, а я и не заметила.

— Леджин, это тебе, — мама растерянно протягивает конверт.

Сердце сокращается и начинает биться раненой птицей в груди. Смотрю на него, на надпись “Кристан Гронвей”. Его имя, которое значит для меня больше, чем имя, намного больше...

— Выкинь, — бросаю я бесцветным не своим голосом. — Через полчаса я буду готова, — разворачиваюсь и направляюсь в мужскую часть усадьбы.

— Леджин! — догоняет мама.

Останавливаюсь в коридоре и прикрываю веки.

— Может, он что-то важное написал, нельзя вот так игнорировать. Может, про Эллу, она ведь остается его дочерью. Подумай о ней.

Смотрю на Ионес. Она права, нас всё равно будет в какой-то степени связывать дочь.

Набираю в грудь больше воздуха и протягиваю руку, беру дрожащими пальцами конверт. Уединяюсь в кабинете, смотрю на инициалы. Переворачиваю, чтобы не видеть его имя и не заставлять сердце сжиматься сгоревшим комком бумаги.

Пытаюсь почувствовать содержание, но что бы он ни написал, точка уже поставлена.

Прочту потом. Не сейчас.

Кладу конверт на стол и беру книгу записей. Вернулась в комнату и достала из гардеробной своё дорожное платье и шляпку. Элла была в распоряжении Дарси, и, признаться, её помощь была очень кстати. Столько дел ещё предстоит совершить, не хотелось вовлекать в это малышку.

...Пансионат Раймона Таккера находился в холмистой местности в окружении дубравы на берегу озера.

В детстве я часто бывала здесь с отцом. Помню эти ровные и живописные дороги, тихие аллеи, мосты.

Территория пансионата не сказать что огромная, но, тем не менее, он пользовался популярностью в былые времена. Занимал часть берега до самой проезжей дороги и близлежащего пригорода.

Мы остановились возле каменных квадратных столбов с коваными воротами и витиеватыми навершиями.

Мама достала ключи.

С заржавевшим замком справиться не так-то просто, пришлось попытеть: вначале пробовала открыть она, потом я. Не выходило, пока за дело не взялся наш возница.

Въехали на территорию и покатались по мощеной плиткой дороге. И сразу стало понятно, что пансионат в запустении: засоренные тротуары, заросшие сухостоем лужайки, разбитые бордюры, покосившиеся лавочки.

Мы вышли к парадной лестнице.

Сама пансионатная усадьба была в пять раз больше нашей родовой.

Два этажа, не считая главного корпуса с тремя этажами. На самом верхнем находилась приёмная отца, на втором — бальный зал, на первом — вестибюль. Снаружи стены окрашены в бледно-жёлтый. Он не вселял особой радости и встретил нас холодными крыльями левой и правой части.

Окидывая взглядом высокие белые колонны, множество ступеней со статуями грозных львов, покрытыми трещинами. Штукатурка понизу начала отставать и отколупливаться, покрывая будто проплешинами стены, которые кое-где затянулись мхом, особенно отсыревший фундамент.

За четыре года пансионат заметно зачах и выглядел холодным и нежилым. Нуждался в заботе. Даже стало жалко: будто покинутый, никому не нужный щенок. Так и хотелось дать любви и приласкать.

— Если его не продать сейчас, то через несколько лет начнёт рушиться, — заметила мама с грустным вздохом.

Но внутри оказалось гораздо веселее, по крайней мере, я не нашла плесени и желтых разводов на потолках — уже хорошо. Вся мебель аккуратно составлена и накрыта тканями от пыли. Тяжелые люстры сняты и лежат в коробах.

Мы обошли с мамой почти всю усадьбу: гостиные, залы, спальные этажи, столовую, библиотеку, оранжерею, не заглянули только в погреба, подсобки и балконы.

Даже ноги устали.

Мне не нужно было считать, сколько предметов мебели и столовых приборов в наличии, отец записывал всё, и не только это. И я поняла, насколько ценна книга в моих руках!

Во дворе имелся хозяйский дом, где хранили всю провизию. А дальше мы прошли террасу, сад, белокаменные беседки и спустились к берегу.

— Как видишь, здесь нужно много работы. Проще продать его.

Вдыхаю весенний воздух, пропитанный свежестью озерной воды. Вдруг из зарослей выплывает несколько белых лебедей. С восхищением наблюдаю за их грацией.

— Нет, мама, я восстановлю его. Он будет работать, здесь по-прежнему будут гулять пары и наслаждаться видами. Здесь так хорошо, мама, спокойно.

Здесь можно отдохнуть от проблем, излечить душу. Я это чувствовала...

Домой мы возвращались немного уставшими. Но, несмотря на это, стало просторно в мыслях. Пансионат Таккера поистине волшебное место! В голове чисто, в груди дышится легко, и снова появились силы.

Сжимаю книгу в руках и улыбаюсь, уже строю планы. Завтра займусь подсчётами!

Дома нас встретили Элла с Дарси. Я уделила время малышке — так соскучилась за день, привыкла, что она постоянно рядом, а тут на целый день уехала из дома.

Пока домочадцы готовились к ужину, я вернулась в кабинет отца. Он стал моим любимым местом. Поняла, что хочу под окно мягкую софу, чтобы можно было отдыхать от дел, а ещё вазу с живыми цветами и портьеры в светло-голубых тонах, ковёр мягкий и картину с видом пансионата Таккера!

Кружусь и подхожу к столу, чтобы положить книгу.

— А ещё красивую чернильницу и статуэтку. И портрет Эллы. Он есть.

Правда, в Бран-Холле... Нужно добавить в список. Не забыть бы.

Взгляд цепляется за серый конверт. И свет вокруг будто немного меркнет, а из глубины сердца всплывает знакомая тоска.

Нужно уже прочесть его и забыть.

Присаживаюсь и распечатываю бумагу, достаю записку.

Аромат легким шлейфом взмывает в воздух и кружит. Запах цитруса и можжевельника. Запах Кристана.

Отгоняю прочь наваждение, задерживаю дыхание и раскрываю плотный листок.

Всего две строки. Почерк ровный, красивый, размашистый. Даже в нём чувствуются свобода, спокойствие и сила.

Кристан не пытается донимать меня, как опасалась мама, вовсе нет. Он будто ждёт чего-то.

Что я опомнюсь и вернусь? Что изменю своё решение? Он уверен, что я так и поступлю. Продолжу преданно ждать его позднего возвращения и со щенячьим визгом бросаться в объятия?

Так вот — нет!

Или же, напротив, я облегчила ему жизнь своим уходом, и он только радостно вздохнул? Но, как бы то ни было, с замиранием держу записку, и сердце едва не выскакивает из груди, бьётся будто рыбка в сети, сильно, тяжело, отчаянно. Почему-то ком подступает к горлу, и страшно читать содержимое. Эти скудные две строки...

Успокаиваюсь, набираю в грудь воздуха.

“Леджин... послезавтра у Леноры Гронвей юбилей. Мы обещали приехать, помнишь? Прощу тебя, давай выполним это обещание”.

Прикрываю веки и не двигаюсь, лишь руки сами собой опускаются. В ушах звенит, сердце грохочет, будто волны бьются о скалы.

И это всё, что он хотел сказать? Немногословно. Или настолько занят, что на большее не хватило времени? Как это ожидаемо. И одновременно неожиданно.

Закипаю, пальцы сминают записку. Хочется порвать её на мелкие-мелкие кусочки. Надо-ели эти жалкие подачки! Как же надоели!

Дышу негодованием. Какой же он бессердечный! Жестокий. И равнодушный. Как можно быть таким?!

Глаза запекло от слёз. Всего лишь две строки, но подняли настоящий шторм во мне. А ведь я готовилась, думала, будет уже легче. Наивно.

Горько поджимаю губы и швыряю лист на стол.

Значит, он всего лишь хочет, чтобы я приехала на юбилей его бабули? Значит, его волнует только это? Криво усмехаюсь, кладу руки на подлокотники и сжимаю пальцами гладкое дерево до белых костяшек.

На что он надеется? Что я побегу как собачка к его семье?!

Они, как и светское окружение, не любили меня: его мать считала, что он заслужил более достойную партию. Нет, она молчала при мне, потому что Кристан не допускал косых взглядов в мою сторону даже от матери. Просто однажды я услышала разговор госпожи с отцом Кристана. Она отзывалась нелестно обо мне. Было неприятно, но я также понимала, что не могу нравиться его близким по умолчанию. И не обязана. Я знала, с чем придётся столкнуться, выходя замуж за господина лекаря.

В целом его родственники вели себя со мной сдержанно и немного безразлично, настолько, что иногда, когда Кристана не было рядом, проскальзывали уколы и едкость.

К счастью, Кристан не настаивал встречаться с его семьёй, не требовал от меня доброго отношения: подобные узкие семейные встречи и праздники были для меня всегда пыткой, хоть они и редки.

Единственный человек, который отнёсся ко мне доброжелательно, это госпожа Ленора Гронвей. Мне было приятно с ней общаться, мудрая, спокойная, с закоренелым традиционным

взглядом на жизнь. Ей почти девяносто пять, и, хотя она выглядит превосходно, всё же каждый следующий год может быть последним для неё...

Эта мысль привела в чувства. Ленора не виновата в том, какая пропасть, между нами.

О своих внутренних терзаниях я рассказываю маме, которая нашла меня в кабинете.

— Будет некрасиво, если я проигнорирую. И расстраивать в такой день Ленору, сказав о своём решении о разрыве, слишком жестоко. Единственному человеку, кто принял меня в эту семью. Я не знаю, что делать, — наконец вслух признаю своё бессилие.

Ещё я так устала за день, ничего больше не хочется, а эта записка выжгла последние эмоции.

— Завтра ещё будет время, не принимай сейчас никаких решений, отдохни, — читает мои мысли Ионес, хотя по мне, наверное, всё видно, от мамы я не прячу своего состояния, уже и на это не способна.

Но руки зудели взять чистый лист бумаги и написать большими жирными буквами ответ:

“Оставь меня в покое!” или “Иди к чёрту!”. Боги, на меня это совсем не похоже. Отчаяние сжимает сердце, и я уже хочу написать другое: “Не трогай меня, не пиши, не приезжай! ...Я так тебя люблю, Крис, мне так больно, что ты не можешь мне ответить тем же. Так больно...”. Он не даёт мне воздуха, совсем не даёт...

— Леджин, — гладит мама по плечу, — идём ужинать, — тихо зовет.

5. Я вас слушаю мисс...

Кристан Гронвей

— Господин Гронвей, добрый день, — слышится женский голос от двери.

Не поднимая взгляда, продолжаю думать над очередной запиской для Леджин. Она не ответила. Уже скоро обед, и от неё ни слова. Меня это беспокоит. Почти выводит из себя. Не думал, что всё дойдет до такой глупости — что она соберёт вещи и уедет к своей маме.

— Господин лекарь? Можно? — врывается в мысли осторожный голос пациентки.

Поднимаю взгляд. Молодая пациентка с копной огненно-рыжих волос, собранных в причёску, в изумрудном платье с полупрозрачной шалью, лежащей вокруг шеи. Смотрю на дверь. На ней точно висит табличка лекаря, или кто-то поменял и здесь проходит светский бал?

— Да, проходите, — откладываю записку. — Я вас слушаю, мисс...

— Ронсаль, Миранда Ронсаль, — вежливо улыбается пациентка, усевшись на мягкий стул. — Я была у вас четыре дня назад на приёме, помните?

Через мой кабинет проходят сотни людей, конечно, как лекарь я помню всех, но, кажется, леди выглядела... немного иначе. Болезненный вид, потухший взгляд. Но сейчас всё в порядке. Как видно.

— То лекарство, которое вы прописали, мне помогло. Я чувствую себя лучше, спасибо, — растягивает губы довольной улыбкой в розовой помаде.

Молчание.

— Вы сказали прийти на повторный приём...

— Да, сказал, — беру бланк пациента и фиксирую состояние. — Больше ничего не беспокоит? — задаю я обычный вопрос, который требуется задавать.

Миранда Ронсаль изящно поднимает руку, и шаль соскальзывает с её шеи, открывая глубокое декольте. Довольно глубокое...

— Вот, смотрите, всё чисто, — проводит пальцами по белой коже.

Приподнимаю бровь. Слова Леджин выстреливают в голову контрольным выстрелом: «Смотришь на них как голодный кот! Почему от тебя вечно несёт женскими духами?!». Принохиваюсь и замечаю, что от мисс пахнет приторно-абрикосовым шлейфом. Я уже давно не замечаю всех этих запахов, которые смешиваются в одно непонятное сочетание. И разве я смотрю как голодный кот?

Сжимаю перо в руках и вдавливаю пальцы в бланк.

Внимательные зеленые глаза Ронсаль жадно следят за каждым моим движением, взволнованно вспыхивают. Я это отчётливо замечаю. Проклятье. Леджин указала мне на то, что было простой обыденностью. Не хватало ещё мне в каждом поведении, своём или постороннем, ловить неоднозначные жесты. Леджин что-то путает, сосредоточенность со взглядом голодного кота. Даже смешно.

— Мне достаточно видеть ваш здоровый цвет лица, чтобы понять, что с вами всё в порядке, — отвечаю, продолжая писать.

Мисс затихает и невольно тянет на себя шаль, прикрываясь.

Когда я заканчиваю писать, протягиваю выписку с дальнейшими рекомендациями, лицо молодой женщины уже не такое сияющее, скорее кислое, словно она проглотила неприятное лекарство.

— Спасибо, господин Гронвей.

— Можете быть свободны и больше не налегайте на морепродукты.

Девушка кисло улыбнулась и поднялась со стула, но задержалась и развернулась ко мне.

— Господин Гронвей... знаю, вы сильно заняты, но я бы хотела вас поблагодарить. Вы спасли мне жизнь, — дёргает яркой бровью Ронсаль, смело смотря на меня. Довольно смело.

Поднимаюсь с места, кладу ладони на стол, опираюсь на них. Ронсаль выпячивает грудь и победно улыбается, ей удалось получить нужный отклик, поэтому она даже не отступает.

— Конечно, можете отблагодарить. Я буду очень рад. Самое лучшее, что вы можете сделать...

Женщина дышит глубоко, часто, щёки розовеют, а в глазах появляется блеск.

— Самое лучшее... не занимать очередь.

Хлопает ресницами.

— Всего доброго, мисс.

Плечи Ронсаль опускаются, как и уголки губ. Она резко разворачивается и, отстукивая каблуками, выходит из кабинета. Оскорбленная моим ответом, громко хлопает дверью.

Делаю долгий выдох и опускаюсь обратно в кресло, откидываюсь на спинку. Кажется, мне самому нужно принять успокоительное, а лучше что-то покрепче. Провожу ладонью по лицу и тру подбородок. После вчерашнего разговора с Леджин сон был отвратительным. Одно ощущение, что её не было в постели рядом, что я не чувствовал теплую ладонь на своей груди и нежный поцелуй, оставляющий огненный след, разрывало на куски. Покой куда-то потерялся с того дня, как будто вдали от меня с ней может что-то случиться.

Смотрю на записку, беру её и сминаю в кулаке, выбрасываю в урну. Бесполезно что-то писать, она всё равно не ответит. Знаю, какой упрямой она может быть. Особенно сейчас...

А может, она уже дома?

Бросая взгляд на часы, поднимаюсь с кресла и беру камзол, надеваю, одергивая манжеты, поправляю воротник и покидаю кабинет.

К счастью, в приемной никого, разумеется — сейчас обед.

— Господин Гронвей, — поднимается седовласый Бэйн, встречая меня.

— Отмени все сегодняшние приёмы.

— Все? — переспрашивает, поправляя пенсне.

— Да, все на сегодня. Перенеси на другие дни.

— Хорошо, как скажете, — опускается мужчина, беря в руки журнал.

Я знаю, что усложняю себе задачу, придётся послезавтра сидеть допоздна. Потому что завтра семейное торжество, и мне нужно быть на нём.

Я знаю, что Леджин упряма и имеет свой характер. Настаивать на её возвращении бесполезно, чем сильнее я буду давить, тем сделаю только хуже. Она совсем отдалится. Решил не провоцировать её на другие необдуманные поступки. И это ожидание и неведение доводили меня. Не знаю, каким усилием удерживал себя от того, чтобы поехать, собрать все её вещи назад в чемоданы, взять Эллу на руки, Леджин в охапку и вернуть в Бран-Холл.

Сегодняшнее утро было странным. Постель слишком холодная без Леджин, дом опустел, стал каким-то холодным, как пещера. Мне не хватало дочери, её смеха, который заполнял переливчатым жизненным звоном каждый уголок не только дома, но и сердца. Ведь всё было хорошо. Леджин меня удивила, может, ей просто надоела семейная жизнь? Но я никогда её не ограничивал, я достаточно давал ей свободы.

Неопределенность выматывала.

“Я ушла, Кристан. Ушла совсем. От тебя.” Не могу в это поверить. Нет, она просто устала. В любом случае, нужно дать ей время. Но отпускать я её не собирался. Леджин моя жена.

Домой я добираюсь за полчаса. Выхожу из кареты и бросаю взгляд на повозку, что стоит чуть поодаль. Леджин... Широким шагом направляюсь в дом.

Пересекаю холл, вхожу в гостиную. Опускаю взгляд на коричневый чемодан. Леджин выходит навстречу. Она уже собиралась уходить. А внутри меня всё кипит.

Леджин немного теряется, когда встречает меня. Даже слегка бледнеет, а в глазах дрожит блеск, она словно беззащитный и хрупкий цветок, который можно нечаянно сломать.

— Где Элла? — задаю я вопрос, не находя дочь рядом.

— С мамой. Я, как говорила, забрала некоторые свои вещи... — отвечает она и надевает вторую перчатку. — Извини, мне пора.

Появившийся слуга проходит к чемодану, чтобы перенести его в повозку. Взглядом останавливаю его.

Леджин бледнеет заметнее, меня беспокоит её состояние. Зачем она так себя надрыгает? Она не догадалась о своём положении. И пусть пока останется в неведении, иначе в этой неразберихе последствия могут быть непредсказуемыми. Леджин на фоне гормональных всплесков может предпринять всё что угодно.

— Леджин, — строго преграждаю ей путь.

Она вскидывает взгляд. Васильковые радужки, окаймленные темно-синим контуром словно грифелем карандаша, пронзительны. И так же чисты и невинны, как весенний луг. Розовые, сложенные сердечком губы упрямо сомкнуты. Чувствую себя не в своей тарелке, когда она такая неприступная.

Хочу закинуть её на плечо и отнести в комнату, опрокинуть на кровать и оставить её без сил, чтобы в голове не осталось и мысли покинуть меня.

— Ты не ответила мне насчет юбилея.

Леджин шумно выдыхает, будто до этого задержала надолго дыхание, в уголках её губ затлела горечь.

— Я пока не решила. В любом случае, меня не дожидайся. Возможно, приеду, может быть, чуть позже. Или раньше. Не уверена.

Холод ледяной стены — такими были её слова.

— Леджин, давай поговорим.

Удивлённо приподнимает брови.

— Не хочу занимать твоё время, тебя ведь пациенты ждут. Тебе там ещё пара писем пришла, — губы кривятся в подобии улыбки, она задерживает дыхание и морщит нос: — Какая же безвкусица, но для коллекции сойдёт.

Поворачиваю голову и делаю вдох. Пахнет персиком. Сжимаю челюсти.

— Я вижу, что ты недовольна, Леджин, моими задержками, я объяснял, что это необходимость, скоро я всё улажу.

— Мне не нужны твои пустые объяснения и обещания, и уже ничего не нужно. Мне пора, — поворачивается, чтобы пройти.

— Леджин, — впервые не знаю, что сказать, как убедить в обратном. Её взгляд — лед. — Я жду тебя завтра. И побольше находишься на свежем воздухе.

— Не беспокойтесь, господин доктор.

Уходит.

Слуга извиняется, берет чемодан и выходит вслед за моей женой.

Несколько минут слушаю тишину, чувствую, как кровь кипит в венах. Покидаю своё место и направляюсь в кабинет. Опускаюсь в кресло. В ушах шумит, а по телу гуляет едва сдерживаемый гнев.

В кабинет стучат.

— Что-то желаете, милорд?

— Сожги это, — сгребая стопку конвертов в охапку и бросаю в урну.

6. А ведь я о вас наслышан

Сердце грохочет в груди, щёки горят. Смотрю в окна, но, к счастью, Кристан не пошёл за мной. Совсем не ждала, что он надумает явиться домой среди белого дня. Обычно он пропадал в столице, а тут явился словно гром среди ясного неба.

Как же сложно было устоять, каждое его слово — это стрела, поразившая точно в цель. Он словно почувствовал, что я в Бран-Холле. А глаза, темные, как надвигающийся шторм. Казалось, что он меня не отпустит, нависал как скала. Потерла локоть, которого он коснулся, следы его пальцев горят на коже как горячий взгляд.

Я первый раз видела его таким взвинченным. Только я не понимала его, он задавал вопросы какие угодно, только не о проблеме, которая выросла между нами. Да и о чём с ним говорить? Всё и так ясно. Мне всё же пришлось зайти в его кабинет, чтобы взять портрет Эллы. И что я увидела? Даже после скандала он не выкинул эти чертовы письма!

Ему ведь достаточно было приказать слуге. Но нет, они царственно лежали на его рабочем столе. И будто смеялись надо мной. Я прямо так и видела лица этих потаскух, победно задирающих нос. Отвратительно.

Обратная дорога прошла как в тумане. Вернулась в Оланстон сама не своя. Несколько минут сидела внутри повозки, чтобы прийти немного в себя. Несмотря ни на что, мне удалось забрать вещи.

В холле встретила мама, и она сразу увлекла меня за столик в беседку, выпить чаю. Я была не против. Необходимо было перевести дух, да и к тому же сегодня было настолько душно, что мятная прохлада оказалась кстати.

Коротко пересказала незапланированную встречу с Кристаном. Ионес не стала требовать подробностей и перешла к другой теме.

— Какие сегодня планы?

— Хочу съездить в банк, узнать, сколько у нас накопленных средств.

— Я поеду с тобой. У Раймона для меня остались сбережения, думаю, их нужно тоже поднять.

— Но, мама, они ведь твои.

— Их нужно тоже куда-то вкладывать, я за то, чтобы ты продолжила дело отца. Раймон был бы горд тобой и рад. К тому же после его ухода я так и не проверила, какие сбережения у него остались от прибыли пансионата.

— Тогда собираемся, — отставляю чашку и поднимаюсь, не хочу откладывать в долгий ящик, чем быстрее я примусь за дело, тем скорее переключусь от своей семейной драмы.

Необходимо было взять некоторые документы. Поэтому, собрав всё необходимое, мы с Ионес сели в повозку и направились в Брошнайт. Взяла с собой дочку, ей тоже не помешает развеяться.

Центральный банк во всём своем строгом великолепии возвышался перед перекрестком. Тяжёлый, из коричневого грунта, с мощными колоннами и большим арочным окном, занимающим три этажа. Дарси осталась в повозке с Эллой, а мы отправились внутрь. Пройдя секьюрити, оказались в прохладном вестибюле, где нас тут же встретил служащий и пригласил к управляющему.

— Если бы к нам заходили такие прекрасные леди, то я бы работал здесь круглые сутки, — встретил нас лестным комплиментом управляющий, невысокий, но вполне стройного телосложения, с копной густых каштановых волос и зелеными, как выгоревшая трава, глазами, с выразительной ямочкой на подбородке. Мужчина располагал своей энергетикой и сам казался энергичным.

Я переглянулась с мамой. Мужчина засмеялся.

— Меня зовут Ларсон Дикман, и я полностью к вашим услугам.

— Очень приятно. Я — Леджин Гронвей, а это моя мама, Ионес Таккер.

— Очень рад знакомству, Леджин, красивое имя, хочется его произносить ещё и ещё.

Если господин Дикман решил меня смутить, то у него это вышло.

— А ведь я о вас наслышан. Гронвей... Вы супруга известного лекаря Кристана Гронвея, так?

— Да, господин Дикман, но я здесь по другому вопросу, нежели обсуждать своё семейное положение.

— Да, конечно, простите. Проходите, присаживайтесь.

Заняли места на удобных мягких стульях, атмосфера банка располагала, резной стол, светлые нежно-зеленые портьеры вносят уют, и пахнет приятно, сладкими пряниками и цветочным чаем.

— Мы хотим подсчитать сбережения моего отца, он умер четыре года назад, — достаю из сумочки все необходимые документы, бланки, договоры. — Я знаю, что он хранил все средства здесь, — протягиваю бумаги.

Ларсон Дикман забирает их и кладет перед собой, сразу приступая к изучению.

— Пансионат Таккеров, конечно, нам известно об этом. К сожалению, самого господина Таккера я не застал, но он хорошо был знаком с моим дядей, который был здесь управляющим.

— А что же с ним случилось?

— М? — не понял вопроса Ларсон, приподнимая бровь. — А, да, он уже в преклонном возрасте и сейчас наслаждается отдыхом в кругу семьи.

— И вы приняли его место? — тактично задает вопрос Ионес.

— Я и раньше принимал, но не так часто, как сейчас, — ответил господин банкир, — подождите пару минут, посчитаем, что имеется.

Нас оставили в кабинете вдвоем.

Смотрю вокруг и ловлю мамин взгляд на себе.

— Кстати, господин Дикман холост, насколько я знаю.

— Что же так? — искренне удивилась я. — Богат, молод и внешне не кривой.

Мама улыбнулась, а я посмотрела на дверь — не слышит ли нас кто.

— В том-то и дело, богат, и дамы претендуют на его кошелек. К тому же, насколько я наслышана, он очень избирательный и любит умных женщин.

— Понятие “умная” очень растяжимо.

— Умная — это независимая, самодостаточная, уверенная и жизнелюбивая, — поясняет мама.

— Да, такие на сегодняшний день редкость. И при этом она должна быть красивой и молодой. Недурные у господина Дикмана запросы.

— Но справедливые, кстати, я слышала, что он собирается открывать в столице свой отель.

— Серьёзно?

Мама пожала плечами. А я вздохнула.

Интересно, а по каким критериям меня выбрал Кристан? Боже, опять я о нём!

В кабинет вернулся Ларсон, положив на стол журнал подсчётов, он, откинув полы камзола, сел в кресло.

— На сегодня количество накоплений составляет столько, — протягивает лист бумаги, на котором написана цифра.

Немаленькая, но и не такая большая, чтобы поднять пансионат.

— Это ваши сбережения, миссис Гронвей, — кладет следующий лист, — а это ваши, госпожа Таккер.

Изучив с мамой суммы, мы пришли в некоторое уныние. Я ожидала, что там будет не столь много, но почему-то верила, что на начальный этап хватит. Но я оказалась далека от реальности.

— Что-то не так, мисс? — интересуется Дикман, видя наши потухшие взгляды.

— Нет, всё в порядке, просто у нас имеются некоторые планы... — говорить о них пока не слишком хотелось бы.

— Моя дочь собирается открыть пансионат отца, — заявляет мама, а я округляю на неё глаза. — Поэтому мы собираем сумму на открытие.

Молчание, такое долгое, что, кажется, я едва могу усидеть на стуле и не встать и отправиться уже по своим делам. Но на самом деле прошли считанные секунды.

— А, вот как, — потёр задумчиво переносицу господин банкир. — Это благородный шаг, пансионат Таккера когда-то был очень популярен.

— Он и сейчас может им стать, — с гордостью заявляю я.

— Разумеется, — сверкают зелёные глаза мужчины, а мне становится вдруг неловко. — Я думаю, господин Кристан Гронвей поддержит вас в этом.

— Наверяд ли, господин Дикман, — отвечаю я с горькой усмешкой и прикусываю язык, коротко переглядываюсь с мамой.

— Почему же? — не сдерживает любопытства мужчина, и глаза становятся, кажется, ещё более насыщенными, даже плотоядными.

— Потому что у него свои интересы.

— Ясно, — подтягивается к столу мужчина и берет перо. — Будете снимать со счета деньги, миссис?

— Да, всё что есть.

— Тогда прошу подождать.

Ждали не долго, но наверняка Элла уже замаялась в повозке, надеюсь, Дарси сможет её развлечь. Заполнив необходимые бумаги, нас наконец отпустили с саквояжем, полным денег. С такой ношей по городу опасно разгуливать. Но Элла так хотела поесть мороженого в кофейне, что я не могла отказать. Отправив маму и Дарси в Оланстон, мы с малышкой направились в ближайшее заведение.

Кофейня была милой и уютной. Элла сразу заняла мягкий стул, обитый розовой тканью, с белыми подлокотниками, я села напротив. Тут же подошла девушка. Сделав заказ, мы остались с Эллой наедине, хотя в зале было занято ещё три столика, но это нисколько не мешало. Смотрю в окно, на проезжающие мимо повозки, людей, которые неспешно прогуливались по городу в красивых нарядах: мужчины в камзолах, женщины в платьях с пышными юбками самых разных дорогих цветов.

Итак, что же мы имеем. Пока Элла была занята складыванием бумажной салфетки в фигурку, я достала бланк со счетом, положила на стол и вздохнула.

Если этой суммы и достаточно для того, чтобы купить провизию, обновить сервиз, постельный гардероб и немного облагородить фасад и парк, то для того, чтобы нанять поваров, да ещё и слуг на постоянную работу — нет. И это не считая оформления всякой документации и непредвиденных расходов, да и просто организации мероприятия по открытию дверей.

— Миссис Гронвей, позвольте?

Вздрагиваю и поднимаю голову, я так задумалась, что не слышала, как к нам подошли.

— Господин Дикман? — уставилась на мужчину. Как он здесь оказался?

Ларсон молча улыбался.

— Да, конечно, присаживайтесь, — запоздало отреагировала я.

— Я вышел по делам и случайно увидел, что вы зашли сюда.

Вот как? Надеюсь, это действительно случайность, кофейня от банка достаточно далеко, да и зачем ему нас догонять? Мне стало не по себе.

Подавальщица вернулась с подносом, выставив несколько пиал с разноцветными шариками мороженого и чашечку горячего какао. Правда, мороженого отчего-то расхотелось.

Дикман вежливо улыбается и наблюдает за мной так внимательно, будто ничего другого вокруг не существует. Чувствую себя неуютно.

— Так что вы хотели? — беру чашку с какао.

— У вас милая дочь, — поворачивает голову к малышке, которая продолжала играть и, конечно же, слышала комплимент господина. — И ваше стремление возобновить пансионат очень благородное.

— Спасибо, господин Дикман, я уверена, что у меня это получится.

— Вот насчёт этого я и хотел с вами поговорить...

Опускаю взгляд и облокачиваюсь на спинку стула, пытаюсь сохранить непринужденный вид.

— Я вас слушаю.

— Хочу ещё раз сказать, что ваше решение достойное, но не совсем практичное и надежное.

— О чем вы?

— Попробую объяснить... — сцепляет пальцы в замок. — Пансионат Таккерров несомненно был популярен когда-то. Я помню времена, когда господа предпочитали отдыхать за городом, наслаждаясь видами, гуляли в парках, спускались к водоёмам. Но сейчас в Брошнайте много приезжих, путешественников из других стран, и все больше есть потребность жить в отелях. Пансионат, скажем, это не совсем выгодно. Для вас. Так как, смею заметить, есть ограничения в средствах. И будет жаль, если вы потратитесь зря.

Ах вот оно что. Беру чашку и подношу к губам, делая глоток сладко-горького напитка. Господин банкир имеет свои мотивы и выгоды.

— И что вы предлагаете?

Глаза мужчины загораются, и я вижу, как в них вспыхивают интерес и азарт наравне со страстью. Это немного смущает и одновременно завораживает.

— Всё очень просто, миссис Гронвей, я предлагаю вам стать компаньоном. А именно — стать управляющим.

Рот сам собой приоткрылся. Сажу в некотором ошеломлении.

— Но почему я?

— Во-первых, вы женщина, так что очень подходите на эту роль, здесь нужна женская рука, чуткость, внимательность, практичность и обаяние, и во-вторых, вы красивая женщина, и вам нельзя прятать свою красоту. В вас есть всё.

Улыбаюсь ещё шире. Господин банкир довольно красноречив и явно умеет расположить к себе слабый пол. И если бы я была свободна и не так опытна, то наверняка бы купилась на эту сладкую лесть. Но и он не глуп, знает, с кем имеет дело, потому продолжает:

— Знаю, что вы обо мне сейчас думаете, — будто виновато застенчиво усмехается. — Скажу так, — его голос понижается и становится грудным, обволакивающим, — я вижу умную, молодую, красивую женщину, которая достойна большего.

Признаться честно, мне стало не по себе, ощущение, что он насквозь меня видит. И знает о моей внутренней драме, хотя откуда? Кроме мамы ещё никто не знает, что происходит у меня на семейном поприще. А он будто почувствовал мою уязвимость, слабое место, которое так саднит и болит.

Молчание, кажется, затянулось, ответ будто застрял у меня в горле комом. А на глаза почему-то навернулись слезы.

— Я подумаю, господин Дикман, — моргаю и судорожно делаю ещё один глоток, пряча взгляд.

— Я рад, тогда... — он достает карточку с гравировкой из красивых букв. — Напишите мне, когда подумаете. Буду ждать вашего ответа и новой встречи.

Холёная улыбка украшает его лицо, он бросает взгляд на Эллу и, извиняясь ещё раз за беспокойство, отлучается, правда, не покидает помещение так скоро, останавливает продавщицу, что-то ей говорит.

— Мама, вот, это тебе, — протягивает дочь сложенный из салфетки цветок.

— Элла, вот это да! — восхищаюсь я поделке, бросаю взгляд на Дикмана, который уже направляется к выходу, отвесив мне поклон.

Забавный он...

Так, о чем это я? Поворачиваюсь к дочке.

— Это Дарси тебя научила так красиво?

— Нет, папа.

Моя улыбка застывает на губах.

Когда он её научил? Не знала даже об этом. И снова будто невидимые пальцы тронули натянутые до предела струны, тревожа болезненные чувства. Нет. Не думать о нём!

Сжимаю карточку, провожу по гравировке пальцами и смотрю в окно.

В кофейне мы пробыли ещё немного, а когда я начала расплачиваться, подавальщица сказала, что за меня заплатил господин банкир. Странно это всё. Предложение, угощение... Карточка.

Вернулись в Оланстон уже к вечеру, нагулявшись вдоволь — смогла немного развеяться. Оставив Эллу Дарси, отправилась в кабинет отца.

Плюхнувшись в кресло и вытянув уставшие за день ноги, положила на стол немного потрепанную бумажную розочку, долго на неё смотрела. У Кристана чуткие пальцы, они действительно творят чудеса, могут лечить, создавать красоту и ласкать. Тоска подкралась незаметно. Я вздрагиваю, сбрасывая её.

Прерывисто вздыхаю и кладу рядом карточку Дикмана.

7. Я ушла от него

Приталенное пудрово-розовое платье с волнистой многослойной юбкой и расшитым золотистыми нитями лифом, не слишком броское, но достаточно праздничное. Локоны я все же собрала в высокую прическу, закрепила шпильками и украсила цветком из ткани. Выглядит мило.

Юбилей я всё-таки не могла пропустить. В какой бы ссоре я ни находилась с Кристаном, а госпожу Ленору Гронвей я уважаю всем сердцем. Не могу игнорировать ее день рождения, да ещё такая знаменательная дата. Но всё же у меня был план, приехать чуть раньше и постараться не задерживаться.

План, конечно, так себе, но стоит попытаться. Не сильно хотелось сталкиваться с его домохозяевами, особенно со свекровью. Аж ком тошноты подкатывает, а по телу холодок.

— Мама, я готёва! — вбегает в спальню Элла и раскрывает рот, прижимая ладошки к щекам. — Какая ты красивая, мама!

Я откладываю помаду и глажу малышку по кудряшкам и красивому банту. Ее платье в тон моему, мама идеально подобрала.

— Ты моя сладкая принцесса, — глажу по плечикам.

Конечно, Дарси я взяла с собой, чтобы присматривала за дочерью. Да и компания мне необходима, одна я чувствовала себя уязвимо, а с учётом того, что столкнусь с Кристаном, подавно. Но, может, я успею уехать раньше, и мы не пересечемся. Надеюсь.

На подъезде к родовой усадьбе Гронвей меня взяли дрожь и жуткое волнение. Что, если они уже знают о моем уходе? Тогда мне придется столкнуться с ледяной стеной отчуждения. А вдруг Ленора тоже осудит? Гнала прочь мрачные мысли.

У ворот уже стояло несколько повозок. Столбы украшены розовыми и белыми цветами, ветерок трепал атласные ленточки, а из глубины сада лилась приятная музыка. Музыканты уже на месте, и кто-то из гостей подтянулся. Значит, я не первая, и хорошо. Сойдя со ступенек повозки, ещё раз осмотрелась в поисках Кристана, но, к счастью, не нашла его кареты.

В холле нас встретили слуги, госпожа Оливия Гронвей была занята, чтобы встретить нас, чему я была несказанно рада. С дочкой мы отправились напрямик к Леноре и нашли ее в одной из просторных малых гостиных этого огромного дома.

— Кто ко мне приехал! Элла, милая! — воскликнула радостно виновница торжества и распахнула объятия для правнучки.

Ленора в свои годы выглядела поразительно шикарно. Белоснежные, как снег, волосы мелкими локонами собраны в высокую прическу, светлая прозрачная кожа как с возрастным кружевом мерцала, на шее кольцо из ожерелий, серебристое сверкающее платье и белые перчатки добавляли лоска. Ее годы как роскошное украшение — восхищали.

— Это тебе подалок, — протягивает Элла коробку с пышным бантом.

— Спасибо, родная, ты мой подарок, — отвечает Ленора и поднимает сияющий взгляд на меня.

— Мои поздравления, Ленора, — выразила я свои поздравления.

— А где Кристан? — вдруг спрашивает она. — Вы не вместе?

Смотрю на дверь, будто муж должен вот-вот появиться, и невольно сжимается сердце. Как раньше уже не будет, мы никогда уже не будем вместе, и нужно привыкать к этой мысли. Но я всё-таки струсил.

— Наверное, задерживается на работе, — улыбнулась я, но как-то вымученно.

От Леноры, конечно же, не скрылась моя боль, которая считывалась во взгляде и голосе.

— Элла, а у меня для тебя тоже есть подарок, — склоняется к малышке, — ступай в сад.

Элла подпрыгнула и пустилась к выходу, где ее встретили служанка и Дарси. Оставшись наедине с госпожой Гронвей, я поняла, что уже ничего не скрыть, как я планировала. Держаться особняком не получится.

Ленора предложила сесть на диваны.

— Что у вас случилось, Леджин? — спрашивает она негромко.

— Я не хочу вас расстраивать в такой день, Ленора. Пусть Кристан сам расскажет, если захочет.

— Вы поругались? — не отступила она.

— Да, — врать я не хотела, да и толку скрывать правду и продолжать обманывать себя, давать надежду, что все ещё образуется. — Я ушла от него, — выдала я на выдохе.

И рассказала Леноре все как есть. Она выслушала молча, конечно, ее это расстроило, и я чувствовала себя виноватой. Мне не следовало всё-таки приезжать. Но теперь уже поздно.

— Спасибо, что приехала и сказала честно, — будто прочитала мои мысли Ленора, — я поговорю с Кристаном. Вот же балбес, ну я ему устрою, — Ленора никогда не злилась, не показывала своего негодования, и сейчас видеть ее разозленной казалось непривычно и одновременно забавно. Но мне было не до смеха.

— Нет, Ленора, не нужно, все и так уже понятно. Ничего уже не изменить, как и моего решения.

— Послушай, Леджин, я знаю Кристана на него это не похоже, он порядочный, и я знаю, что он очень любит тебя. Так или иначе, я хочу сама понять, в чем тут причина.

Я не стала спорить, конечно, ей неприятно слышать подобное подозрение о своем внуке, и я не вправе требовать, чтобы Ленора верила мне. Мы ещё с ней поговорили, Ленора интересовалась, где я сейчас, беспокоилась о моем состоянии, но я старалась не касаться этой темы, насколько мне невыносимо бывает по вечером, когда остаюсь одна в постели. Пришлось увести внимание Леноры, рассказав, что собираюсь открыть пансионат своего отца. И тут она меня полностью поддержала.

— Это замечательно, тебе нужно было сделать это намного раньше, думаю, и Кристан тебя бы полностью поддержал.

Сомкнула губы в горькую линию. И в самом деле, тогда бы ему было гораздо легче пропадать вечерами и не выслушивать недовольство своей надоедливой супруги. Ленора не успела мне ничего ответить, в гостиную вошли.

— Мама, все гото... — миссис Оливия Гронвей запнулась, когда увидела меня.

— Не видела, как ты вошла. Почему не предупредили меня? — смотрит свысока.

— Я зашла поздравить Ленору, — отвечаю так же прохладно.

— Где Кристан, разве он не с тобой? Ты одна?

— С Эллой, Кристан, видимо, задерживается на работе, — спокойно отвечаю, мне не впервой чувствовать, что я пустое место и обо мне никто спрашивать не станет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.